

Чжоу Ло не нашёлся что ответить. Точнее сказать — не знал, как вообще говорить с ребёнком о собственном нарушенном обещании.

Что бы он тогда ни сказал — «приеду через какое-то время», «увидимся через несколько дней», «до следующей встречи» — для братьев, особенно когда младший ещё совсем маленький, два года — это слишком большой срок.

Он и правда забыл.

Янь Ци сидел, чуть склонив голову, и не отрывал взгляда от пейзажа за окном, который стремительно уносился назад. Обычно он не замечал, насколько близко до дома — особенно зимой, когда мороз пробирал до костей и хотелось броситься на прохожих, и сколько ни беги, казалось, что добираться ещё и добираться. Но сейчас дорога вдруг оказалась до обидного короткой — они с Чжоу Ло едва успели перекинуться парой слов, а уже приехали.

Янь Ци было собрался выбраться из машины сам, но Чжоу Ло подхватил его и вынес на руках. Наверное, этим он пытался компенсировать неотчет на вопрос про «два года» — в этих объятиях явно сквозила какая-то виноватость.

Как бы то ни было, рядом с Чжоу Ло Янь Ци неизменно становилось спокойнее на душе — такого чувства у него никогда прежде не было. Он прижался лицом к его шее и глубоко вдохнул — слабый табачный запах, тепло кожи.

Чжоу Ло занёс его прямо в спальню на втором этаже, по пути окликнув тётю из коридора — она была на кухне.

Су Цзинь отозвалась, спохватилась и выглянула из-за двери — увидела Чжоу Ло.

— Ой, Сяо Ло! — Она торопливо вытерла руки о фартук. — Оставайся ужинать, как раз вовремя.

— Это просто спасение, — сказал Чжоу Ло и потёр живот. — Вы не знаете, что такое дядина стряпня — он ещё и экспериментировать любит.

— Его стряпня только твоему отцу по вкусу, остальные через силу едят — когда настроение есть. Твой дед однажды вообще стол перевернул. — Су Цзинь достала из холодильника пару помидоров. — Я тоже не мастерица, но сделаю тебе лапшу с помидорами, яйцом и мясом.

Слово «отец» было для Чжоу Ло почти незнакомым. Когда другие его произносили, он в основном не реагировал — прошло слишком много времени, да и Чжоу Юань давно превратился для него просто в строчку в домовое имя.

— Тётя, у вас всё вкусно, — сказал Чжоу Ло, и пока Су Цзинь отворачивалась, внимательно посмотрел на место за её ухом. Взгляд скользнул ниже — за ухом и на руках синели и желтели многочисленные синяки.

Чжоу Ло знал, что Чжоу Хао давно пьёт. В молодости тоже любил выпить и погулять — и что Су Цзинь вообще вышла за такого, иначе как вмешательством судьбы не объяснишь. После свадьбы он на какое-то время присмирел, но когда выяснилось, что Су Цзинь не может иметь детей, и в дом взяли Янь Ци, всё вернулось на круги своя — три дня через два запой, тихий пьяный был ещё ничего, а вот буйный — это беда.

На прощальном ужине перед отъездом Чжоу Ло за рубеж Чжоу Хао набрался и швырнул бокал в Су Цзинь — Чжоу Сюнь едва успел перехватить. Потом тот же самый человек стоял на коленях, обхватив её ноги руками, и рыдал. На это было тошно смотреть.

Чжоу Хао любил Су Цзинь — это правда. Но надолго ли хватало этой любви — вопрос другой. Особенно с его патриархальными взглядами, перенятыми от бабки, с его вечным желанием сына — согласие на усыновление было для него величайшей уступкой, и в этом, как ни крути, читалась подлинная привязанность. Но сколько бы трезвый человек ни шёл на уступки, стоило алкоголю поднять со дна всё накопленное — и он срывался.

Старший сын Чжоу, а ни в чём не состоялся. Перебрался в дом тестя, живёт под его крышей. Чжоу Ло понимал: не будь в этой любви к Су Цзинь ещё и вины, и самооправдания — никогда бы тот не согласился на усыновление.

Когда Чжоу Ло вернулся в спальню Янь Ци, тот уже спал прямо на полу.

Чжоу Ло присел на корточки и легонько ткнул пальцем в его мягкие губы.

— Брат. — Янь Ци, ещё не успев толком проснуться, протянул руку и крепко сжал его указательный палец.

— Разбудил тебя?

— Нет, просто задремал. — Янь Ци потёр глаза.

Чжоу Ло смотрел на него, помолчал, потом спросил:

— До приюта — помнишь что-нибудь?

Помойки — помнит. Как гнала собака — помнит. Как укрывался куском картона — помнит. Как ехал в автобусе — помнит. Картинки размытые, нечёткие, но ощущение от всего этого где-то ещё сидит.

— Нет, — сказал Янь Ци. Всё это давно позади, незачем ворошить. Сейчас он хотел только поговорить о чём-нибудь хорошем — и не отпускать руку. Чжоу Ло улыбнулся и протянул ладонь — Янь Ци снова ухватился за указательный палец и держал.

— Ты никогда не думал о школе-интернате? — спросил Чжоу Ло.

— Н-нет. — Янь Ци вздрогнул от неожиданности.

Интернат — такая мысль ему и в голову не приходила. Семья не позволяла об этом думать, да и сам он не годился для жизни в толпе. Ему нужно одиночество — с шумной ватагой на одном пятачке он не уживётся. А поблизости интернатов нет, в городе — слишком далеко.

Но главное — Су Цзинь.

Он должен был быть рядом. Пять лет он называл её мамой — и это слово прикипело намертво, породило что-то такое, чему нет названия, но что стягивало их тысячью невидимых нитей.

Чжоу Ло нахмурился, угадав причину. Больше не стал настаивать. Обернулся — взгляд упал на ударную установку, стоявшую на тумбочке.

— Выучил что-нибудь?

— Всё, — сказал Янь Ци и ухмыльнулся.

Чжоу Ло приподнял бровь и посмотрел на него с недоверием:

— Серьёзно? Мой братишка такой молодец?

Янь Ци без лишних слов водрузил установку на кровать, взял палочки — и минут пять отстукал подряд, не пропустив ни одной пьесы из тех, что Чжоу Ло ему дал.

Когда он закончил, Чжоу Ло сидел с открытым ртом. Недоверие сменилось восхищением.

— Пять звёзд. — Чжоу Ло сложил руки в знак уважения.

— Это что значит? — Янь Ци отложил палочки и принялся аккуратно протирать установку платочком, лежавшим на подушке.

Чжоу Ло снова сложил руки:

— Снимаю шляпу.

— Спасибо, брат. — Янь Ци смущённо улыбнулся.

После ужина Чжоу Ло со вкусом потянулся и собрался помочь с посудой, но Су Цзинь «выгнала» его обратно в гостиную.

Сытый и расслабленный — о плотских желаниях Чжоу Ло после еды обычно не думал — он вдруг сорвался с дивана, как подброшенный. Янь Ци от неожиданности тоже подпрыгнул и устоялся на него.

— Забыл отдать телефон. — Чжоу Ло развернулся к двери, вернулся за ключами с журнального столика, прошагал пару шагов, вернулся за кошельком с обеденного стола, сделал ещё пару шагов — и только тогда сообразил ухватить Янь Ци за руку.

— Тётя, я ухожу, ещё приеду! — гаркнул он.

— Езди аккуратно, приедешь — напиши! — донеслось из кухни; Су Цзинь выключила воду и прокричала в ответ.

— Не беспокойтесь! — В голосе Чжоу Ло не было ни тени сомнения.

— Не знаю, понравится ли тебе. — Он положил красиво упакованную коробку в руки Янь Ци.

— Если брат дарит — значит, понравится. — Янь Ци прижал коробку к груди и счастливо заулыбался.

— Ладно, я поехал. Обещаю — скоро приеду, — сказал Чжоу Ло серьёзно и на прощание взъерошил ему волосы.

— Хорошо. — В глазах Янь Ци что-то вспыхнуло.

Чжоу Ло открыл дверцу, уселся. Подумал секунду, хлопнул ладонью по колену — и выпрыгнул обратно. Поманил Янь Ци пальцем.

— Иди сюда. Поцелуй меня.

Янь Ци бросился к нему и едва не угодил прямо в губы.

— Ого, чуть первый поцелуй не отнял. — Чжоу Ло стёр со щеки слюни.

— Первый поцелуй? — Янь Ци воззрился на него. — Брат, у тебя ещё есть первый поцелуй? Сяо Панцзы говорил, что у него ещё в детском саду не стало.

— Ты хочешь меня в гроб свести? — Чжоу Ло щёлкнул его костяшкой по носу. — Я кристально чист.

Этого выражения Янь Ци не проходил, но смысл угадал — что-то вроде «чистота и непорочность».

О чистоте и непорочности он, впрочем, тоже узнал от Сяо Панцзы — можно не сомневаться.

— Всё, еду. — Чжоу Ло помахал ему рукой. — Номер запомнил?

Янь Ци мгновенно выпалил всю цепочку цифр.

— Вот это голова — я сам бы так быстро не назвал. — Чжоу Ло включил передачу и нажал на газ. — Спокойной ночи, Янь Ци.

— Спокойной ночи, брат. — Янь Ци не сводил глаз с Mercedes, пока не потух последний отблеск задних фонарей. Потом — чуть погрузневший — развернулся и пошёл домой.

Янь Ци висел на перекладине вниз головой и наблюдал, как рядом Инь Чэнь, выставив зад, наводит лупу на землю, поймав в фокус солнечный луч.

Покачавшись немного и решив, что это уже не интересно, Янь Ци ловко перевернулся, спрыгнул и пнул Инь Чэня в зад:

— Ты чем занимаешься? Смотрю на тебя уже несколько дней.

— Выживаю. — Инь Чэнь протянул пухлую лапку, подхватил что-то с земли и отправил в рот.

— Ты! — У Янь Ци глаза полезли на лоб. — Ты что, совсем?!

— Посмотри на себя, тряпка. — Инь Чэнь с кряхтением поднял сначала одну ногу, три секунды отдышался, потом распрямил другую — из положения «на карачках» в «стоя», как в замедленной съёмке.

— Вот это сало — нельзя же так запустить себя. — Янь Ци смотрел на него и сам начинал тяжело дышать — просто от одного этого зрелища.

— Мой дед говорит: если однажды зомби придут, вирус распространится, конец света — надо уметь выживать, — изрёк Инь Чэнь, с величественным видом проигнорировав тему похудения.
— Я сейчас жарил муравьёв. Натуральный белок, энергия для организма. Съем достаточно — может, и в супермена превращусь, спасу мир.

— В труп превратишься, не в супермена. — Янь Ци вlepил ему ладонью по затылку с приличным запасом мяса. — Ты не знаешь, что подгорелое вызывает рак?

Глаза у Инь Чэня распахнулись, рот сложился в форму яйца:

— Не может быть!

— У твоего деда в башке... У тебя в башке что, дерьмо?! — Янь Ци выхватил у него лупу. — Откуда взял?!

— Дед ею газеты читает. — Инь Чэнь понуро плюхнулся на траву и почесал жировую складку на животе. — Я в интернете прочитал: если лупой собирать солнечный свет и жарить муравьёв — это белок, полезно.

— На каком ещё сайте?! — Янь Ци повысил голос.

Инь Чэнь чуть не заплакал и тоже взвинтился:

— На литературном! С фанфиками!

— Ты! — Янь Ци с трудом удержал лупу — так и подмывало грохнуть об землю. — Иди тогда сам пиши! Напиши, что вода из унитаза слаще кипячёной — и посмотришь, пойдёт ли кто-нибудь пробовать!

Инь Чэнь вскочил — теперь уже как на быстрой перемотке:

— Ты откуда знаешь? Пробовал? — В глазах — неподдельный восторг.

— Я! — Янь Ци побагровел. — Я, блин, это для примера сказал!

— Янь Ци, ты ругаешься! — Инь Чэнь вытянул пухлый палец-сосиску. — Ученик начальной школы — и ругается!

— А кто меня до этого довёл, блин?! — Янь Ци смотрел на него, не мигая.

— Ты за меня переживаешь. — Инь Чэнь довольно хихикнул. — Ты так злишься — потому что я

твой друг.

— Сосед по парте! — отрезал Янь Ци.

— Друг. — Инь Чэнь захихикал снова.

— Одноклассник! — отрезал Янь Ци.

— Друг. — Инь Чэнь продолжал хихикать.

— Друг... — На то, чтобы выдохнуть из груди один долгий десятисекундный выдох, у Янь Ци ушло секунд пять. — Называй как хочешь.

Инь Чэнь бежал за ним по всему стадиону — то забегал справа, то прыгал слева, и всё хихикал без остановки.

Друг? Янь Ци над этим не задумывался.

Теперь, задумавшись, хмурился.

Когда у него появился друг — он не знал. В приюте, среди постоянного гвалта, он просто злился. Даже мысли не возникало обзавестись ровесниками. Друзья — это морока. Это след, который ты оставляешь. А Янь Ци не хотел оставлять следов — пусть он здесь и учился, он всё равно собирался уйти.

Су Цзинь была хорошей мамой, Янь Ци любил её по-настоящему. Но эти годы давались ей нелегко — из-за Чжоу Хао.

Янь Ци хотел забрать её отсюда.

А задержался — потому что не мог отказаться от редких встреч с Чжоу Ло.

Янь Ци никогда не анализировал этого. Но ожидание следующей встречи с Чжоу Ло давно переросло его привязанность к Су Цзинь — и превратилось во что-то большее, чем просто зависимость.